Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Этнографические заметки участника археологических экспедиций Е. Н. Носова. 1995 г.

С. А. Семёнов

Аннотация. Статья посвящена этнографическим исследованиям 1995 г., проведенным во время участия автора в археологических раскопках Рюрикова городища и во время археологической разведки по маршруту следования отряда к памятникам у оз. Съезжее Хвойнинского района Новгородской области. Собранные материалы освещают некоторые стороны жизни, быта, занятий, праздников, верований, представлений о природе и памятниках археологии старожилов нескольких деревень Новгородской земли в период с начала XX века до 1995 г. Опросы населения проведены в дд. Городище, Спас-Нередицы, Княжее Село, Молодильно.

Annotation. This paper is dedicated to ethnographic investigations of 1995 conducted during the author's participation in the archaeological investigations at Rurik Gorodishche and in the course of archaeological surveys along the route of the archaeological party to sites near Lake Syezzheye of the Khvoyninsky district of Novgorod oblast. The evidence collected covers some aspects of the everyday life, occupations, holidays, beliefs, notions about nature and archaeological monuments among the old-timers from a number of villages of the Novgorod region over the period from the beginning of the 20th century until 1995. The public inquiries were conducted in the villages of Gorodishche, Spas-Nereditsy, Knyazheye Selo, Molodilno.

Ключевые слова: этнографические исследования, экспедиция, рыбная ловля, колдуны, праздники, Рюриково городище, Спас-Нередицы, Княжее Село, Молодильно.

Keywords: ethnographic investigations, expedition, fishery, wizards, holidays, Rurik Gorodishche, Spas-Nereditsy, Knyazheye Selo, Molodilno.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-445-460

Хочу выразить Евгению Николаевичу мою искреннюю признательность и благодарность за научное руководство в мои студенческие годы на кафедре археологии ЛГУ, за возможность стать членом его экспедиции и принимать участие в разведках в Новгородской и Тверской областях, в раскопках уникального памятника Рюриково городище и памятников Поозерья, за участие Евгения Николаевича в становлении меня как археолога, за прямое отношение к моей дальнейшей профессиональной деятельности в ИИМК (рис. 1). С первого моего приезда на Рюриково городище в 1986 г., я стал считать эту экспедицию своей и

стремился туда многие годы. С высоты прожитых лет вспоминаю это время с неизменным удовольствием и ностальгией.

В силу жизненных обстоятельств 1995 г. стал последним сезоном моих полевых работ с Евгением Николаевичем. В это время я был сотрудником отдела этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея (РЭМ), и, чтобы меня отпустили почти на 1,5 месяца в «свою» экспедицию, обязался перед заведующей отделом Ольгой Михайловной Фишман проводить этнографические исследования в окрестностях Рюрикова городища, а затем, во время разведки по маршруту следования отряда к памятникам у оз. Съезжее Хвойнинского района Новгородской области. Вот эти ранее не опубликованные материалы и представлены в данной

¹ Отдел охранный археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

Рис. 1. Е. Н. Носов. Рюриково городище 1989 г.

Fig. 1. E. N. Nosov. Ryurik Gorodishche 1989

статье. В связи с особенностями экспедиции полученная этнографическая информация носила достаточно отрывочный или общий характер по самому широкому кругу вопросов, хотя, несомненно, она имеет свою ценность. Собранные материалы освещают некоторые стороны жизни, быта, занятий, праздников, верований, представлений о природе и памятниках археологии старожилы нескольких деревень Новгородской земли в период с начала XX в. до 1995 г.

На раскопках Рюрикова городища, которые длились с 11 июля по 10 августа, мне было доверено руководство раскопом 3, расположенном на краю северного берега Сиверсова канала. Главные результаты этих работ заключались в подтверждении того, что раскоп заложен в границах древнего рва с мощными слоями органических остатков, где в дальнейшем были обнаружены уникальные артефакты и комплексы (в том числе деревянные укрепления и хлебные печи) раннего периода городища.

Этнографические исследования в это время приходилось проводить в вечерние и в свободные

от раскопок часы. В таких условиях доступными для изысканий были только ближайшие окрестности — сама д. Городище и соседняя д. Спас-Нередицы.

В 1995 г. д. Городище состояла из двух домов, но жили постоянно только в одном, и это были Евгений Иванович Никитин и его 87-летняя мать Екатерина Васильевна. Пообщаться с ними, попытаться собрать сведения об их жизни, быте и традициях угасающей деревни, в первую очередь, было необходимо уже потому, что это территория Городища, здесь проходили раскопки, а Евгений Иванович помогал экспедиции с 1975 г. и, можно считать, был ее постоянным членом. С Евгением Ивановичем общался несколько раз, а вот с его матерью Екатериной Васильевной из-за возраста и постоянного плохого самочувствия, к великому сожалению, смог встретиться только один раз, но и этого времени хватило для уникальных записей о д. Малая Лучна, где она родилась, и д. Сельцо-Шатерно, где жила в довоенное время. У Никитина слушал их рассказы, записывал в дневник и на диктофон, фотографировал их дом и внутреннее убранство (печь, иконы, самопрялку), рыболовные снасти, рано утром наблюдал проверку Евгением Ивановичем мереж на Сиверсовом канале.

Информация, полученная от Евгения Ивановича Никитина (д. Городище)

Евгений Иванович родился в 1939 г. в д. Сельцо-Шатерно, расположенной в 0,8 км к юго-востоку от Городища. Отец погиб в «финскую» войну, и он его не помнит. На Городище переехали после войны в 1945 г., когда там было всего четыре дома. До войны, по его сведениям, здесь был «колхоз, покосы, сельсовет, школа, домов около 17 или 22, держали скот». Дом на Городище они купили уже готовый, вновь построенный. Переделывали только веранду, и в 1967–1968 гг. сами возвели большой хлев и баню, которая топилась «по-белому». А вот у соседей из второго дома была баня с печкой-каменкой и топилась «по-черному», но она в 1995 г. «по весне сгорела» (рис. 2, 1). В самом доме у Евгения Ивановича две печи — круглая металлическая «голландка» и кирпичная «русская», на которой «бабка спит». «Голландка» была соединена железной трубой с дымоходом «русской».

В настоящее время (1995 г.) Е. И. нигде не работает, уволился, чтобы присматривать за «старухой матерью», домом и хозяйством. Живет рыбной ловлей, продажей рыбы и огородом. Зимой

Рис. 2. Рюриково городище, 1995 г.: 1 — печь-каменка сгоревшей бани; 2 — самопрялка Никитиных; 3 — проверка мреж Е. И. Никитиным на Сиверсовом канале; 4 — колотушка для глушения рыбы

Fig. 2. Ryurik Gorodishche 1995: 1 — stove-kamenka in a burnt bathhouse; 2 — spinning wheel of the Nikitins; 3 — examination of seines by E. I. Nikitin in Sivers Canal; 4 — maul for stunning fish

занимается плетением мреж — этому его научила мать. Сейчас в округе, с его слов, плести умеют только двое — он и «Васька Карпов из Сельца». Раньше нитки для мреж делала мать на «самопряке» (самопрялке), которая сейчас хранится на чердаке (рис. 2, 2). По сведениям Е. И., рыбы было много после войны, а сейчас мало, «только весной, когда язь на нерест идет, тогда все кипит кругом, руками хватать можно, если в мрежи попадет, так их и не вытащишь, набьется столько». Сам он ловит только мрежами, сетью и бреднем (рис. 2, 3). Весной мрежи ставит парами. Кольца на мрежи

в «прошлом» делали деревянные, гнули из рябины и черемухи, но они «не долго стоят, в лед ломает». Все свои снасти Е. И. делает сам, ничего не покупает, только нитки. Инструменты для плетения, со слов Е. И., называются «клеща» (иголка с ниткой) и «полица» (досочка). Есть острога, но он ею не пользуется. Багор применяется только в ледоход, весной, чтобы лодку не зажал. Есть и такой инструмент, как деревянная колотушка для глушения рыбы зимой: «Вот лед только замерзнет, чтобы человека удерживал, и идешь по нему. Видишь, рыба стоит — шпок колотушкой по льду —

и оглушил ее, тут топориком вырубил (лед. — *Прим. авт.*), рыбу в котомку и пошел дальше» (рис. 2, 4). Раньше он пользовался переметом — натягивал проволоку метров 100 с крючками, но сейчас, с его слов, перемет «никто не ставит». Ставили рыбаки раньше и верши при выходе из озера, «которое напротив Городища за Волховом» (оз. Мячино. — *Прим. авт.*). Е. И. рассказал: «Вода в реке, когда спадает, а в озере ее уровень выше, тогда прокапывают проход и ставят вятер. Кто верши называет, кто вятер. Затем воду спускают и ловят рыбу». Вятер (верши), в отличие от мереж, плетут из обычных прутьев на конус, а внутри «типа горла, рыба туда зайдет, а обратно нет». Сейчас ловится в основном «судачек, язь, лещ, густера, плотва, сомики, угорь». Занимался Е. И. и охотой. С его слов, здесь в деревне на поле забегают кабаны, а в округе он с ружья бьет лис, бобров и птиц. А вот на медведя не охотится, так как на него «только с карабином надо идти, а пулю — стачивать».

Рассказал Евгений Иванович, как после войны на Городище все искали Рюрика в золотом гробу. Лично он сам «на холме» снес бульдозером «какой-то курган с кучей черепов и костей».

Информация, полученная от Никитиной Екатерины Васильевны (д. Городище)

Екатерина Васильевна Никитина (в девичестве Дмитриева) родилась в 1908 г. в д. Малое Лучна Бронницкого района (расположена в 14,3 км к юго-востоку от Городища), где прожила 20 лет. Вспоминает, что семьи в деревне были очень большие, по 10–12 человек, все работали и «в город уходить никто не собирался». Своих родителей очень уважали, отца звали «татенько», мать — «маменько», «к примеру, купит отец кому-либо брюки, так тот встает на колени, в ноги отцу поклонится и скажет “спасибо татенько”». Отец был хозяином. Поставят на стол «блюдо большеенно» полное щей, но все ждут, первым отец начинает есть, затем все остальные. «Или картошки наварят чугуна и вывалят прямо на стол, на скатердку, и едят, а рядом сковорода большеенная рыбы». Без скатерти считали обедать большим грехом. Молоко пили «досыти», ели «досыти» молоко с творогом или сметану с творогом, так как «у каждого крестьянина было по 2–3 коровы». В семье Е. В. ели утром, обедали, ужинали. Днем пили чай. Было обязательно, чтобы ужин состоял из двух блюд. Любили щи, манную кашу. Семья была рыбацкая, а ее дедушка был

«закоренелым» рыбаком. В Лучне у него находилось «300 мереж и ловил на три лодки», поэтому рыбы «всегда полно было». Были у него «даже сотенные мережи с кольцами под потолок», и таких мереж он ставил в заколе «штук по 10». По воспоминаниям Е. В., до революции рыбы было много, и «стоила копейки», «сиги ловились, пока не было Волховстроя». Озерами у деревни владели «какие-то богачи в Троицком, нынешнее Пролетарское». Для права ловли рыбы в озерах они устраивали торги. В этих озерах, когда вода уходила, ставили заколы и «затягивали сетками». Дедушка Е. В. «жил богато», имел продуктовый магазин, поэтому всегда выигрывал торги и «покупал озеро Карасино», расположенное в 2,7 км к юго-западу от д. Малое Лучно. Е. В. помнит, как к его магазину, который стоял на речке, подходила баржа «с весами и продуктами». Продукты переносили в магазин, а на баржу загружали рыбу. Баржа за свежей рыбой подходила каждое утро.

Е. В. рассказала о нескольких старых способах ловли рыбы. Так, «раньше рыбу лучили»: «Ставили в лодку козелки и зажигали на них смолёвые дрова. Рыбы подходило много и большая. Дед бил ее острогой». Еще рыбу в д. Малое Лучно «колотили», т. е. садились в лодки, бросали несколько десятков мереж и колотили веслами по лодке. Рыба пугалась и попадалась в мережи.

Дуги для мереж изготавливали «больше из рябины», их гнули сырыми и клали в баню, где они «жарились с мережами, высыхали и уже больше не разгибались». «Байни» топили березовыми дровами и закрывали наглухо, чтобы «дыма было полно», после такого жарения мережи «не преют, не гниют — старые люди так делали». Была и такая примета, для того, чтобы рыбы больше попадалось, мережи «жарили» в двух банях. Со слов Е. В., она сама «любую мережу вязала и сейчас, зажмурившись, свяжет на память, так как надо знать счет».

В д. Малое Лучно отмечали праздник «Исцелителю Пантелеймону», совершали с иконами крестный ход. Отмечали и праздник Владимирской иконы Божией матери, а третий праздник — «Кирика Младенца и матери Улиты». В Иванов день из Лучны ходили гулять в Бронницу, куда привозили карусель. На «Маслену» (масленицу. — *Прим. авт.*) жгли костры, которые делали парни, вешая смоляные бочки на жердины, вкопанные в землю. Считалось, что это «мясоед сжигают» и теперь будут постничать. Помимо бочек жгли сено, мусор, а вот чучело не делали. В «Прощёно Воскресенье»

люди приходили к каждому дому и говорили: «Прости меня!», а хозяин отвечает: «Господь тебя простит — меня прости». В Сочельник, в Рождество Христово молодые девчонки собирались в доме, спевались, пели «Рождество твое крести Боже наш, воссеяй мир от разума, небо звездам служащим звездою, учахуся, тебе кланяемся, солнце правды, тебе видится с высоты востока, Господи! Слава тебе! Слава отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Дева (?). Днесь присуще... и земля верти преступным приносит ангелы с пастырем... нам бог роди родися... младо привечно...бог всему дому господину, хозяину с хозяйшкой и с малыми детушками многое лето, многое лето». Вставали рано, часа в 4 утра, но ни у кого ворота не были закрыты, все ждали. Ходили по всем домам, после пения хозяева детям давали деньги. Так как деревня была большая, «75 домов», то ходила не одна партия, а несколько. Ходила вся молодежь, и парни тоже, в обычной одежде, ничего с собой не носили, только пели. В Рождество гадали, например смотрели в кольцо в стакане с водой. Сама Е. В. каталась «клубышком» от ворот до дороги: «Если лицом к дороге остановишься, значит, замуж выйдешь, а если лицом ко двору — то не выйдешь замуж». Ходили на «кресты», т. е. на перекресток дорог, слушать. Нужно было лечь на «крест» и слушать: «Если с колокольчиком едет кто-то, значит, замуж выйдешь». Ходили слушать и в «байну» (баню. — *Прим. авт.*). Если дверь скрипнет — замуж выйдешь. Смотрелись в зеркала. Для этого нужно «закрывать не благославляя дверь и поставить зеркало спереди и сзади». Однако, по мнению Е. В., это страшное гадание. На Новый год писали 3–4 записки с текстом «я желаю выйти за такого-то замуж», и пока часы бьют 12 часов, надо успеть их сжечь, а золу съесть. Е. В. отметила, что она хорошо гадала по картам, могла по ним «все рассказать».

В нечистую силу, с ее слов, она не очень верила, хотя в деревне все говорили, что «то там, то здесь чудится, говорили, что и мертвые приходят». У ее отца были две лошади, и у одной из них «всегда косы наплетены были на гриве». Отец говорил, что это домовый очень любит лошадь и поэтому заплетает ей косы. Верили, что в речке живет водяной, который может схватить, когда купаешься. А ее дедушка утверждал, что в речке в Лучне жила русалка, и он сам видел не раз, как она, «вышедши на берег, сидела, отдыхала». У нее были «длинные волосы, распущенные по плечам, хвост и ноги как у человека, только в шерсти». Со слов Е. В.,

русалки — это «не утопленницы и не привидения, а живые...». Ей рассказывали, что и в лесу лесовики ходят, и с ними можно было встретиться.

Е. В. верила в ворожбу. Рассказывала, что заламывали в поле рожь или пшеницу и заговаривали их, «а кто выжнет этот залом, у того руки будут болеть и не вылечат». Залома делали те, кто вредить хотел, и были люди, которые ворожили. Е. В. утверждала, что ее мать была «спорчена», и рассказала следующую историю. Гуляла мать с одним парнем, но замуж вышла за другого. Вот первый ей за это и «наворотил» — нанял колдунью. Как-то мать ехала с мужем, и ей бросили в лицо овес. После этого случая «принесут Тихвинскую Божью мать, а она кричит во все, упадет без сознания. Матери было сделано до самой смерти». Мать ходила к другому колдуну, но тот сказал, что «сделано на смерть, пока не умрет». Однако против колдунов было средство — если колдунье нос разобьют, то она после этого уже «ничего не может сделать». Е. В. вспомнила про один случай, когда один человек разбил колдунье нос и его за это посадили на 6 месяцев. Этот человек говорил, что «отсижу, но она не будет». «Так и вышло, — заметила Е. В., — колдунья эта больше не могла». Еще один случай в пересказе Е. В.: «Вот моя кума гуляла с парнем, а родители не хотели ее отдавать за него, не стали давать гулять с Мишей. Она у родителей была одна, и на нее было положено у них 800 рублей золотом на книжку. А он взял и “сделал” ей у старухи, у которой еще нос не был разбит, на тыквенном семени. Вот он пришел к ней и угостил семенем, а она семя поела и стала кричать, и так кричать, что и по-петушьи поет, и по-собачьи лает, всяко кричит. Вот они искать стали колдуна и нашли его. Колдун пришел и говорит: “Ты семя ела? Тебе на семени сделано”. А она уже лежала. Заболела. А колдун говорит, что сегодня я сделаю так, что тот, кто “сделал” сегодня придет просить прощенья и положит тебе на грудь шапку теплую: “Ты из шапки старайся шерсти натаскать незаметно, чтобы он не видел”. Вот вечером вдруг стучится, мать кумы открыла, а это Миша, и сделал все, как колдун рассказывал — шапку ей на грудь и говорит: “Катя! Прости меня, это я „сделал“ для того, чтобы ты не за кого замуж не вышла. Я тебя люблю”. А кума за него и вышла замуж и поправилась». По мнению Е. В., «такого явления очень много было в деревне», и она в колдовство верит. «Вот заболела сильно грудь, — рассказывала она, — и в больнице никак не вылечить,

а у нас одна знала, ее и позвали. Вот та и сказала, что топите байню. Байню истопили, она пошептала что-то, камнем чего-то потерла, и я пришла домой, всю ночь спала, и грудь сразу зажила». Колдунов очень боялись, так как особенно в свадьбу «им было не утерпеть», и они «делали» невесте и жениху. Поэтому в свадьбу «всегда все закрывали, все благославляли, за всем смотрели, чтобы не положили». Е. В. рассказала историю, которая произошла с ней самой: «Я гуляла с Холынским парнем, а пошла замуж в 18 лет в Большое Лучно за того, кто посватал меня у матери. Мать же того парня, с кем гуляла, мне и «сделала». Помню, с церкви уже шли, и она святы ворота там закрыла. Говорят, что в святых воротах и «сделано» было. Выходила замуж — любила, а когда вышла — стала ненавидеть и ушла от него. Вот и говорили, что это тетка Паня «сделала». Колдуны, по сведениям Е. В., могут молоко отнять у коров, и делают они это, когда коров после зимы выгоняют первый раз в поле, «а у них уже приготовлено»: «Это когда коровы идут через ворота, у них там «положено», в землю забито, что коровы не будут доить ни одна». Пастух тоже мог «сделать» после обхода стада, чтобы коровы никуда не уходили. Для этого в первый выгон, в Егорий, пастух с иконой, двумя яичками и зажженной свечкой обходит все стадо кругом «по солнышку». Хозяева коров пастуха благодарили и «много чего давали, кто по яйцу, кто по три, кто чего». Пастуха «очень берегли», и он ходил «на очередь» к владельцам коров, «где его хорошо кормили».

В 20 лет Е. В. вышла замуж в д. Сельцо-Шатерно. По ее сведениям, до войны в Сельце было «13 домов, жили только крестьяне, ни кузнецов, ни гончаров не было, занимались пашней и ловлей рыбы». В 1930-х гг. муж Екатерины Васильевны, придя из армии, стал организовывать колхоз с председателем сельсовета, работал счетоводом. До войны в Сельце держали много гусей, «некоторые до 100–150 штук», поэтому Сельцо даже называли Гусиной горкой. Осенью гусей продавали: «Гусей советская власть разрешала сколько хошь держать, а вот коров только по одной, все остальные были в колхозе».

Гулять ходили в д. Спас-Нередицы, где был «большой клуб». В Сельце, как и в д. Спас-Нередицы, отмечали «Спасов день» и «Введение». В церковь ходили на Городище, «иногда в Сквородку в монастырь, иногда в Юрьев монастырь». На Городище до войны была еще колокольная, откуда звонили по праздникам и в воскресенье.

Сама Екатерина Васильевна — верующая. В ее доме на Городище были три иконы — Николая-чудотворца, Спасителя и «Исцелителя Пантелеймона». Икона Николая-чудотворца висит потому, что «ее сын был моряком 30 лет», и она за него всегда молилась Николаю как покровителю моряков.

Напоследок Е. В. вспомнила про большой камень «напротив канавы за Волховом», который видела лично. На камне был крест, «не поставленный, а нарисованный»². Она думала, что «кто-то утонул на этом месте, поэтому он и положен здесь».

В рамках этнографических зарисовок на Городище зафиксировал остатки печи-каменки от сгоревшей бани соседей Никитиных (рис. 2, 1), фотографировал ц. Благовещения и кладбище при ней. Обратил внимание на необычные современные венки на новых могилах, изготовленные из нетрадиционного материала — из разноцветной фольги, которую обычно используют для изготовления новогодних елочных игрушек и украшений. Как стало известно позднее от информатора в д. Спас-Нередицы, такие венки «продавали от почты».

Следующим этапом исследований стала д. Спас-Нередицы, в которой были опрошены четыре местных жителя: Краснова А. М., сестры Демченко Е. В. и Демченко А. В., а также Митрофанова А. И.

Информация, полученная от А. М. Красновой (д. Спас-Нередицы)

А. М. Краснова (в девичестве Степанова) родилась в 1918 г. в д. Спас-Нередицы. По ее сведениям, сейчас деревня такая же большая, «около 25 домов», как и до войны, хотя была сильно разрушена. Название деревни объяснить не может, не знает, «то ли так гора называется, то ли река».

С ее слов, здесь отмечают как свои местные церковные праздники «Введение» и «Спас», «но в церкви раньше служили только в Спасов день, святили яблоки». После закрытия церкви в Спас-Нередице ходили в церковь на Городище, «но и ту закрыли в 1939 г., когда попа арестовали». От А. М. Красновой было записано очень интересное

² Вероятно, это камень с высеченным восьмиконечным крестом, упоминаемый еще Архимандритом Макарием в 1862 г. и И. А. Шляпкиным в 1906 г. Сам же камень положен был на месте утраченного более древнего каменного креста, известного по грамотам 1134 г. князей Всеволода Мстиславича и Изяслава Мстиславича (*Архимандрит Макарий*, 1862. С. 102; *Шляпкин*, 1906. С. 15–16). В настоящее время камень хранится в музее деревянного зодчества «Витославицы».

поверье, связанное с церковью на Городище. В детстве ей говорили, что если сходить в Пасху в церковь на Городище, отстоять заутреннюю, принести в руках оттуда горящую свечку и зайти с ней в ясли в хлев, то тогда можно увидеть домового. Однако, по ее словам, свечки у них по дороге всегда гасли. От нее же зафиксировано еще одно поверье, связанное со строительством нового дома и «печными» обрядами. В новый построенный дом приходили соседи, приносили охапку дров и бросали ее к печке — «таков был обычай». Отмечала, что в нечистых духов она не верит, а вот в «чудо» — верит. А. М. рассказала, что «давно» в деревне жил дедушка, который предсказывал, и в частности предсказал, что он умрет, но другие доживут, когда весь свет будет обвит паутиной и будут летать железные птицы. «Когда это все и вправду появилось, то тут его и вспомнили».

В советское время в деревне был клуб, где и собирались на все праздники. По ее сведениям, «сейчас» из деревни хоронят на кладбище на Городище, т. к. оно «является единственным в округе», но «давно до войны» еще хоронили у ц. Спаса на Нередице.

Информация, полученная от Евдокии Васильевны Демченко (в девичестве Антонова) и ее сестры Анастасии Васильевны (д. Спас-Нередицы).

Евдокия Васильевна родилась в 1913 г. в д. Спас-Нередицы. По ее сведениям, до революции деревня была небольшая, «а вот перед войной — очень большая». Е. В. неграмотная, так как семья была большая и состояла из родителей и шести детей, поэтому она в 12 лет стала нянькой. Анастасия Васильевна училась в приходской школе на Городище, «рядом с церковью, в которой преподавали поповны», и закончила 4 класса. Родители сестер познакомились на клиросе в церкви, так как оба ходили петь. Мать к большим праздникам два раза в год «все в доме оклеивала — и потолки, и стены». При этом мать закончила только 1 класс и писать не умела, поэтому, чтобы написать письмо отцу, воевавшему с 1914 по 1918 г., «обращалась к попу».

Со слов сестер, их отец «много работал» и в 1930-е гг. записался в колхоз. На работу ходили каждый день «как на завод», ловили рыбу, так как колхоз был рыбный. Рыбу ловили мережами, поэтому у них «в бане до 60 мереж стояло». За работу давали деньги и муку. Хлеб пекли сами, дома, в русской печке и называли его ласково «хлебушко». На праздники сеяли свою пшеницу, после

созревания ее «жали, сушили, молотили и мололи в каменных жерновах». Из этой муки пекли ватрушки с вареньем. По воспоминаниям Е. В., «хлеб ели досыти»: «Каждой бабе у бригадира было отмерено по большущей полосе, все становились в ряд и жали серпами. В день жали по 25 суслов, а сусло — 10 снопов». По мнению Е. В., они в колхозе жили хорошо. А вот раньше, когда ее отец приехал в эту деревню в 1909–1910 гг., эта земля была «поповская» — «и Спас-Нередицы, и Городище, и далее»: «Девкам, которые ходили к попу на работу молотить, давали по 5 (?) копеек с грязды». Их отец землю тогда брал в аренду.

А. В. сообщила, что за церковью Спаса на Нередице был огромный дуб, «который нельзя было обхватить», и свалил его ураган, а стоял он «еще, наверное, при Александре Невском». Соседнее же Сельцо-Шатерно называется так потому, что там стояли шатры воинов Александра Невского — «так до войны писали».

По сведениям сестер, в церкви Спаса на Нередице при советской власти вели службу только по престольным праздникам «Введение» и «Спасов день». На Пасху они с матерью ходили в Юрьев монастырь и помнят, как в этот день был великолепный благовест, «и на Юрьеве, и у Спаса, в Новгороде, в Сквородке... и бочки со смолой на озере и Волхове жгли ради праздника». На масленицу все ходили, «от мала до велика, брали дровни, садились человек тридцать и от колокольни под гору через реку на Городище (ехали. — *Прим. авт.*) прыгать через костры». Мальчики специально ездили за вересом на «пустошь», собирали все, «что висит на заборах, что можно стащить, деревянное, плетеное, — все в костер». Куклу или чучело из соломы не делали. На «Спасов день», по их воспоминаниям, приезжали «со всех городов» родственники, привозили музыкантов «с медными трубами», и «три дня была музыка». Делали танцевальную площадку и пускали по билетам. Привозили и торговали мороженым. На Городище справляли «Николу», а праздник Ивана Купалу отмечали в д. Шолохово. Осенью «делали День урожая, били большого быка “летоходца”». Праздновали в деревне у того, у кого большой дом, — туда сносили столы, напеченные пироги, водку, пили, ели, плясали. Убивали быка и во время покоса, когда прямо в поле готовили «общественное питание». В Рождество, в Святки гадали, ходили ряженные в вывернутых шубах. Мальчишки переодевались в наряды девочек, и наоборот, мазались

сажей. А. В. гадала, падая в нетронутый снег, — по примете, если отпечатывались полосы, то муж будет драться. Бросали через крышу сапог, ботинок или валенок. Куда он будет показывать носком — туда замуж выйдешь. Жгли бумагу и смотрели на тень. Гадали и с зеркалом в бане, но очень этого боялись. Боялись ходить в баню ночью, так как им говорили, что там есть нечистый дух.

По воспоминаниям информаторов, в деревне «весело было», все умели играть на разных инструментах. Их братья играли на гармошке, отец — на тальянке, соседи — на домре и мандалине. Анастасия Васильевна играла на балалайке и гитаре.

Покойника в церкви отпевали обязательно. Покойник лежал в доме. На третий день утром на кладбище копали могилу, а покойника выносили с обеда. В церкви венчались. Перед этим невеста целую неделю шила приданое — две рубашки мужу, иначе она будет считаться неумехой и плохой женой.

После закрытия церкви в деревне и на Городище крестить детей носили в Новгород, «крестили все равно и молитвы брали», т. к. «все в бога верили». Вспоминая 30-е годы, сообщили, что до войны в деревне было две семьи латышей, «но в году 1939 их убрали». «Тогда же убрали священников и в Кушне, на Ковалева, в Волотове, в Спас-Нередицах. Ночью приезжал “черный ворон” и забирал».

После войны в 1945 г. сестры ходили в лес за прутьями, из которых плели рыбацкие корзины, за что им давали хлеб. Анастасия Васильевна в 1946 г., когда зарывала окоп у ц. Нередицы, нашла «кубышку со старинными серебряными денежками, на которых было изображение Георгия Победоносца». Этот клад сдали в «археологическое управление» и получили за него 25 рублей.

В заключении сестры вспомнили про строительный обряд в их деревне, когда под первый венец нового дома клали деньги, чтобы они водились в доме.

Информация, полученная от Александры Ивановны Митрофановой (д. Спас-Нередицы)

Последним информатором в д. Спас-Нередицы стала почти совсем глухая Александра Ивановна Митрофанова. Она родилась в д. Вяжищи (расположенной в 17 км к северо-западу) в 1897 или 1898 г., а в д. Спас-Нередицы оказалась после войны, перевезя сюда из Вяжищ дом, построенный в начале XX в. В Спас-Нередицах

до 1990-х гг. она работала экскурсоводом и хранителем в церкви.

В Вяжищах, с ее слов, было святое озерко, в котором на Крещение вырезали во льду большой крест и купались. Вокруг озерка росли «большущие липы», и в одной «огромной» жила старушка-странница.

Рассказала, как на праздниках, вероятно в Святки, гадали. Так, девушки растворяли тесто и пекли пироги в «наперстках» (?). Рано утром, идя по воду, нужно взять с собой этот пирог, и тогда тот, кто попадет навстречу, будет женихом.

О нечистой силе А. И. говорить очень не хотела, оправдываясь тем, что «не любит ее». Но все же рассказала одну страшную историю: «Вот тут как не поверить? Тут у нас две сестры жили, и у обеих не было детей. Рассорились, очень спорились, что одна другой посадила нечистого. Одна из сестер была невесткой, пришла ко мне, села чай пить и масло в него кладет. Я спрашиваю, ты чего масло-то кладешь в чай? А она говорит, что, мол, я с Дуняхой-сестрой поспорила, а она заболела: “Повела я ее на кровать, посадила, а она меня чмок — поцеловала, и что-то у меня в рот туда пошло, и сказала мне, что к тебе к гробу никто не подойдет. Вот мне женщины и сказали, клади, мол, масло в чай, размягчит, а то мне что-то там мешает”. Я ей и говорю, что и хоронить тебя не приду, боюсь, что она тебе в рот положила? Умерла она. Я не пошла, а наши собрались несть, вдруг она как выглянула — вот такие глаза — из гроба. Так и закрыли крышкой с незакрытыми глазами».

Помимо опросов местных старожилов, в д. Спас-Нередицы зафиксировал на фото пленку некоторые дома, построенные в начале XX в., и сохранившуюся еще к тому времени у А. В. Андреева баню с печью-каменкой, топившуюся по-черному.

В один из выходных дней на раскопе плавал на лодке за Юрьев монастырь, ближе к Ильменю, где фотографировал традиционные новгородские парусные рыболовецкие соймы и неводные лодки (рис. 3, 1). Рыбаки, работающие на них, знают, что традиция сойм восходит «даже ранее XIX в.». И действительно, соймы, наравне с «боевыми» ушкуями, являлись одними из самых распространенных типов судов древнего Новгорода, доживших до XX в. Сфотографировать лодки рыбаки позволили, а вот как плетут сеть — нет, считают это плохой приметой.

С 9 по 13 августа я принимал участие в разведке, организованной с целью взятия почвенных проб для палинологического анализа в районах археологических памятников на северо-востоке Новгородской области. Экспедиция, возглавляемая Е. Н. Носовым, состояла из 12 человек и включала, помимо руководителя, Н. В. Хвошинскую, Андрея и Катю Носовых, М. Ю. Данкова, доцента Стокгольмского университета Ингмара Янссона, трех шведских археологов под руководством профессора Упсальского университета Ларс-Кенинг Кенингсона, эстонского аспиранта, водителя и меня. Места моих этнографических исследований определялись маршрутом и пунктами работ разведки.

Девятого августа экспедиция выдвинулась из Новгорода в сторону п. Любытино. Около 19 часов встали лагерем примерно в 5 км за Любытино, у д. Княжее Село, на берегу лесного озера среди курганной группы, на месте старой стоянки экспедиции В. Я. Конецкого.

На следующее утро после безуспешных попыток вместе с И. Янссоном искупаться с заболоченных берегов озера обнаружил на нем и сфотографировал архаичный тип лодок в виде двух соединенных долбленок (рис. 3, 2, 3). Такие плавсредства называются ройками и по некоторым данным, применялись на Северо-Западе уже в средние века, а возможно и раньше, для проверки сетей и охоты на озерах. После завтрака в моем распоряжении было два часа, и пока все остальные члены экспедиции исследовали курганный могильник, я отправился в д. Княжее Село. На окраине деревни встретил двух женщин, которые сначала поносили археологов, которые «испортили берег озера, загрязнили лес», затем перешли на строителей дороги и закончили Б. Н. Ельциным, Г. А. Явлинским и В. В. Жириновским, сказав, что всех их надо расстрелять. В заключении они посоветовали поговорить в деревне с одним старожилом. Направившись к рекомендованному информатору, не доходя до его дома, на лавочке встретил Николая Степановича Васильева, с которым и разговорился. На общение оставалось 1,5 часа. К 13 часам вернулся в лагерь, чтобы часть отряда со шведами на машине могли отправиться в Любытино и по окрестностям подобрать место для палинологических проб.

Информация, полученная от Николая Степановича Васильева (д. Княжее Село)

Николай Степанович Васильев родился в 1929 г. в д. Княжее Село. С его слов, до войны деревня

была намного больше, чем сейчас. Коренных жителей, тех, кто здесь родился до войны, всего три дома. В деревне жили только русские, и была эстонка, «которую увезли ночью 1941 г.». Правда, после войны она вернулась.

Н. С. считает, что деревня так называется потому, что здесь «жил князь». Курганы, которые находятся в окрестностях, жители деревни считают захоронением «солдат в войну с Литвой», а насыпали их эти солдаты шапками. Когда была война, Н. С. не знает, но утверждает, что закончилась она в недалеко расположенной отсюда деревне Кончиха — отсюда и ее название.

Озеро, на берегу которого остановилась наша экспедиция, он характеризует как гнилое, иловое, глубокое, глубиной более 7 м. Зимой на нем деревенские катаются на коньках. На озере до сих пор используют увиденные мной утром ройки — спаренные долбленые «корыта», которые изготавливает из осины «топором и теслом Леша Шарапов из д. Брод».

В самой деревне раньше была «маленькая часовня», стоявшая «на бугорке на перекрестке дорог», в виде шатра 5-метровой высоты с шестью углами. До войны «поп» ходил в часовню только по Пасхам. За озером, на окраине пос. Любытино, был «крестик» — «часовенка с крестиком» — и колодец, вода которого считалась святой. По конструкции она была аналогична деревенской.

Деревенскими престольными праздниками были Никола зимний и летний, при этом, по словам Н. С., отмечали и все остальные праздники. Но пиво варили только на Николу. Раньше Н. С. и сам пиво варил, но сейчас нет, потому что рассыпался «дожник» — широкая кадка с «4-угольной дырочкой и вставленным в нее штырем». В дожнике делали солод из ржи или пшеницы, на дно клали солому, затем солод, иногда немного овсяной муки. Для запаха и чтобы не скисло добавляли еще верес с ягодами, заливали кипятком, «часа три все прело и отстаивалось». Из костра железными клещами в дожник клали «каменья», иногда воду кипятили в бане. Из соломы делали киты, через которые из дожника спускали солод. Хмель клали в пиво уже в «ходовик» — кадку размером «поменьше дожника».

Делали в деревне «раньше» на «кружале» и горшки, и специальные кувшины для хранения пива.

В Троицу яйца ходили катать с «сопок» (вероятно, с курганов. — *Прим. авт.*). В масленицу

Рис. 3. Новгородская область, 1995 г.: 1 — соймы на Волхове; 2 — ройка на озере у д. Княжее Село; 3 — Ингмар Янссон на ройке; 4 — д. Молодильно. В. Г. Гаврилов и Т. Г. Егорова

Fig. 3. Novgorod region, 1995: 1 — *soyma* boats on the Volkhov; 2 — *royka* boat on the lake near the village of Knyazhee Selo; 3 — Ingmar Jansson in a *royka* boat; 4 — Village of Molodil'no. V. G. Gavrilov and T. G. Egorova

жгли костры на «горах», а на сосны вешали старые вещи — лапти, кадки, шины — и поджигали, говорили «масленицу жечь». Из соломы делали чучело и пугали старух, затем чучело просто выбрасывали. На Святки, со слов Н. С., тоже делали чучело, ходили ряжеными, чудили, устраивали «вечеринки». Не колядовали, но «слушали» под окнами «на худо или хорошо». «Девки» загадывали, за кого выйдут замуж, — за богатого или за бедного. Для этого они приходили к бане и «задом голым туда». Если мягким погладит, то за богатого выйдет, жестким — за бедного. А парни специально прятались в бане и гладили....

В Князьем Селе к 1995 г. сохранились и бани с печью-каменкой, топившиеся по-черному. Со слов Н. С., «раньше говорили, что в бане живут баенные черти, и они могут шайками закидать». Слышал он и о домовом, который «и в конюшне живет». Привел в пример случаи, когда хозяева не убивали сидящих в конюшне крыс, боясь «заколоть домового», или «бывает, что корову купят, а она не заводится или поросята умирают, болеют, или куриц не завести, или кошки околевают — все из-за того, что их домовый невзлюбил». У деревни есть Бабий ручей, который так прозвали оттого, что из него «баба выходит».

Верит информатор и в существование колдунов, гадалок и ворожей: «Раньше были такие старухи, которые могут и в конюшне что-то делать, что коня не загнать, или наворожат, что молодожены плохо живут. В Хирове (д. Хирово в 12 км к северо-западу от деревни. — *Прим. авт.*) есть старичок, который гадает, кидает жребий, что-то приговаривает и может узнать, к примеру, где потерялась корова».

После зимы коров в деревне в поля выгоняют «обычно в Егорий, 6 мая». У местного пастуха «есть обход» и примета, что в Егорий босяком корову нельзя гнать, иначе плохо будет.

Раньше, когда Н. С. работал при разборке старых домов, то под углом дома на камнях находил монеты, причем всегда «с правой стороны, то есть в переднем углу, где боженька».

11 августа в д. Брод нашел Алексея Шарапова, который делает долбленки, в том числе ройки. К сожалению, в силу преклонного возраста, он почти ничего не слышал, и что-то узнать о технике и традиции изготовления таких лодок не удалось.

Двенадцатого августа после обеда, сняв лагерь, в течение пяти часов пытались добраться до оз. Съезжее. После пос. Любытино экспедиционная

машина пошла на северо-восток, через д. Каменку, где располагается одна из усадеб А. В. Суворова. Каменка оказалась уникальным местом, в котором в неприкосновенности сохранились целые деревенские улицы с традиционными на подклетах деревянными домами, хозяйственными постройками. Здесь же, на берегу красивого озера, возвышалась трехэтажная деревянная усадьба полковника. После Каменки лесными дорогами безуспешно пытались напрямую проехать к месту назначения. В конце концов, выбравшись на асфальтовую дорогу перед д. Спасово, мы добрались до оз. Съезжее. Подъехав к нему, увидели живописнейшую картину — широкая полоса леса была залита разлившимся озером. Никакого берега не существовало, просто вода языками заходила в лес на песчаную почву, утончаясь до нескольких миллиметров. Вода была чиста и прозрачна. Евгений Николаевич рассказал, что это уникальное карстовое озеро, которое постоянно то уходит под землю вместе с рыбой, то вновь появляется, то разливаясь, то суживаясь. В 1970-х гг., когда он проводил здесь исследования, озеро было всего «25 м в диаметре», а сейчас все было под водой — и поселение, и могильник.

На следующий день с утра лил дождь. Однако ждать хорошей погоды возможности не было, и я пешком отправился в д. Молодильно, расположенную от лагеря в 5 км. Деревня оказалась очень симпатичная, со старыми срубными домами, в одном дворе увидел над колодцем «журавль». Зашел в дом, где жили местные старожилы, брат и сестра Гавриловы (рис. 3, 4).

Информация, полученная от Гаврилова Виктора Гавриловича и Егоровой Татьяны Гавриловны (д. Молодильно)

Виктор Гаврилович родился в 1914 г., а Татьяна Гавриловна в 1921 г., оба в д. Молодильно.

По информации, полученной от В. Г. и Т. Г., в деревне всегда жили только русские. Местных жителей осталось трое, остальные — все «наезжие, дачники». «Раньше деревня была больше, много молодежи, посиделки были, жили веселее, играли в гармонь». Дети играли в «рюхи» и в лапту. Парни деревенские «славились тем, что были ни пьяницы, ни дракуны, ни матюжники, высокие, стеснялись девочек, и чтобы парень при девочке закурил — такого не было». В. Г. раньше сам изготавливал «челны» — лодки-долбленки, которые «сейчас в деревне никто уже не умет делать».

По его словам, он долбленок делал много, в том числе на продажу. Челн выдалбливал из осины длиной 4 м, затем «распаривал на огне», то есть долбленный ствол поливался водой, разогревался у костра, отодвигался и в него ставились распорки из рябиновых палочек — и так несколько раз. Т. Г. хорошо вязала «кружева, салфетки, накидочки, подзор», которые брали даже на выставку.

Хлеб в деревне «раньше» пекли сами, а на праздники — «рыбники, пироги, колобушечки картофельные. Изготавливали колобушечки просто, надо было испечь картофель, растолочь его, разбить туда 1–3 яйца, добавить молочка. Теплую картошку размешать, сделать колобушки, полить сверху сметанкой».

Когда началась коллективизация «в 1932 или 1930 г.», тогда деревня начала «упадать, не только Молодильно, и в округе, а теперь бурьяном заросшие». В ближайших деревнях раньше были гончары, сапожники, мельники, деготь гнали, «но при Сталине их раскулачили, увезли».

По словам В. Г. и Т. Г., до колхоза у крестьян были и коровы, и овцы, птица, «а как стали все объединять, так с каждого двора в общий двор уводили лошадей, сбрую, телегу, борону — все увозили». Ввели трудодни, крестьяне получали «по сто грамм зерна», «старикам стали умирать, а молодежь — уезжать». Пустующие дома увозили в район, в Хвойное. «Как Сталин колхозы затеял — все испортил», — считает В. Г.

Из не очень четких разъяснений информаторов о названии деревни можно восстановить следующее. «Давно, еще при крепостном праве, за озером было другое озеро и деревня, которые назывались Молодильно. Позже на месте нынешней деревни поселились помещики, переселив сюда или крепостных крестьян или крестьян с соседних деревень. И это поселение было названо Молодильно. Здесь была построена церковь. Но крестьяне соседних, за озером, деревень в церковь сюда молиться не ходили». Информаторы объясняют это тем, что «к крепостным не ходили» или что «они считали себя недостойными даже подойти сюда, к этой церкви». Крестьяне соседних деревень якобы молились на здешнюю церковь с «поклонных гор», которые находились за озером: «С этих гор были видны и церковь, и поселение, а молились там, стоя на колешках».

По словам В. Г., деревенская церковь «во имя Преображения Господня» «уже двести лет стоит» и стала разрушаться, а построена она на месте

старой. В. Г. в церковь ходил с детства и считал, что были в ней «иконы с Византии... и колокол звонил каждое воскресенье». У церкви есть кладбище, где, по мнению информаторов, «под большим крестом похоронены крепостные». Церковь закрыли в «начале 30-х годов, священника увезли, оставив одну старую мать». Председатель сельсовета и учитель организовали «Союз безбожников», иконы собрали и сожгли на берегу озера, колокол разбили молотом. «Женщины плакали, потом кто-то из них осколки от колокола собрал и унес». В церкви устроили «кладовую», хранили колхозное зерно. В деревне существует какое-то предание о закопанном колоколе.

Престольными праздниками в Молодильно считаются день Спаса Преображения и Николин день. Как вспоминают В. Г. и Т. Г., до войны, до закрытия церкви, престольные праздники справляли весело, в «церкви народу было много, что свечку не поставить, играли в гармонию, варили пиво, застолье было в каждой семье». В день Спаса торговали яблоками.

Осенью, когда весь урожай был убран, всей деревней праздновали, «всем колхозом от мала до велика». К празднику закалывали барашка или ягненокча.

Отмечали Рождество. В церкви была служба при большом стечении народа. Ходили ряжеными, пели, катались на санках от церкви на озеро. Иногда на праздник приезжали «торгаши-татары».

Справляли в д. Молодильно и масленицу, делали чучело, «ребятишки бегали с санками и с каждого дома собирали солому»: «У Попова на горушке ребята ставили большую жердь с наторканными на нее снопами. Вокруг жерди собирались усей деревней и поджигали — масленицу жгли, плясали, скакали, на санках катались».

В Иванов день «только гуляли, на площадке между двух озер сидели и костерчик жгли».

Знают информаторы, что за «синеньким озерком» есть курганы. Т. Г. считает, что это «при татарах разрыто, там наша деревня была». В. Г. уточняет — это было «Литовское разорение», а татар здесь не было, «они до Новгорода не дошли». На вопрос, когда была «Литва», В. Г. ответил, что «это давно было, я точно не могу сказать». Про озеро Т. Г. отмечает, что оно «какое-то интересное, когда к нему подходишь — страшновато становиться»: «Озеро как циркулем в болоте вырезали, берега топкие, все топучее, страшное, а сама водица голубая, прозрачная, а окуни, живущие там, все

белые, обесцвеченные». Глубина озера, по мнению В. Г., доходит до 14 м.

Все озера в округе карстового происхождения, в которых вода по непонятным причинам и циклам то уходит, то возвращается. Информаторы отметили, что сейчас с 1982 г. стоит «большая вода, а раньше большая вода была в 50-х гг., которая семь лет стояла и семь лет убывала». Т. Г. заметила, что озеро «как вздыхает, и все водой наполняется — болота, леса...» «В прошлые времена», когда вода из озер уходила, на дне, удобренном плодородными илистыми отложениями, сеяли овес. Но так как циклов движения озер не знали, иногда вода затапливала урожай. При информаторах овес уже не сеяли — «раньше это было»³. Об этой «странный системе карстовых озер» они узнали еще от отца, который «очень любил рассказывать, потому что везде был, на Кировском заводе работал, видел Ленина и Коллонтай, видел, как Ленин выступал на Финляндском вокзале».

В одном случае информаторы отмечали, что их родители были набожные, никогда не гадали и детям не велели. В другом случае отмечали, что отец любил наряжаться, чудить и по вечерам рассказывать про нечистую силу. Отец говорил, что кто боится, тому и причудится, как, к примеру, чудится, когда проезжаешь мимо мельницы.

Один из рассказов отца, в пересказе Т. Г.: «Была у нас сторожка на кладбище, в которой жил сторож со сторожихой, дедушка и бабушка. Вот как-то ушел сторож в церкву, а этой бабушке причудилось, что как будто кто-то вошел в эту сторожку и снимает иконы, а весь он в темном. Сложил иконы и стал разбирать пол, а бабка, лежа на печи, и говорит ему, что, мол, ты теперь, может быть, будешь печку разбирать? Этот же в черном, разобрав пол, подходит к печке и меряет аршином. Мерил-мерил и ушел в коридор. Тут дедко возвращается, стучит сапогам, а бабка с печки и кричит, что не входи, упадешь, здесь пол разобранный. Дедко же подумал, что с ней нехорошо получилось. Когда вошел он со свечкой, то

пол оказался на месте, а вот иконы — сняты. Иконы и на самом деле были вынуты».

Второй рассказ: «Пилили как-то летом за деревней лес. Вот сели мужики отдохнуть, вдруг по бревну ни с того, ни с чего выбегает девушка в белой сорочке, волосы растрепанные, и в лес. Лесорубы подумали, что это какое-то приведение, а позже узнали, что это была как будто бы сбраненная мамой или бабушкой. Якобы девушка просилась гулять, а ее не пускали. Потом же дома сказали, мол, иди ты на все четыре стороны, девушка ушла, и ее больше не видели, — сгинула».

Т. Г. рассказала об особом болоте, где есть «чудо»: «Есть у нас такое болото, где все блудят, и называется оно “Большое болото”. Там такие курганчики с лесом, одни и те же, одни и те же. А жили там птицы. Наш дед охотником был и ничего не боялся, нигде не блудил, а в болоте том блудил. Брат мой там блудил, другой брат — все блудили, и чужие, и свои. Когда блудит человек, то на этом месте ему кажется, что кто-то смотрит за спиной, и ему делается страшно. Один человек в этом болоте заблудился, так от него нашли только один скелет, корзину и палку. Что это за болото, по-видимому, там какое-то чудо было».

На вопрос, существует ли нечистая сила в бане, отвечали, что «раньше говорили: в третий пар не ходи, пугали людей каким-то чудом, с рогами и хвостом, чертом. А теперь и черти убежали, народ рогатый стал». У В. Г. и Т. Г. есть своя баня, которая топится по-черному. Сама печь выложена снизу кирпичом «рядочка три», а потом камнем, «и чело большое».

Продолжая разговор о нечистой силе, информаторы рассказали, что, если скот пропадает, значит это кто-то «делает». Родители им говорили, что злые люди могут «сделать», чтобы все болели и даже чтобы все поколения болели в какой-то семье. Дедушка учил их ничего не подбирать на дороге, что бы там ни лежало. Их отец рассказывал, что бывает колдуну не умереть, тогда тот красивую трость делает и втыкает у дороги, «люди увидят красивую тросточку и возьмут...» Мать их учила также никакие вещи не подбирать, потому что на эту вещь «что-то наделано или человек большой наговорил».

В пример привели еще одну «байку»: «Отец рассказывал, что это у нас в деревне было. В одной семье сын отделился, женился и хотел строиться. Его отец говорил ему, чтобы не строился на этом месте, здесь был сад помещичий, и значит у

³ Эта информация была использована в статье Е. Н. Носова и А. В. Плохова, посвященной исследованиям раннесредневековых археологических памятников на оз. Съезжее, объясняющая, в том числе, непродолжительность периодов существования здесь поселения культуры длинных курганов (Носов, Плохов, 2016. С. 367, 369).

помещика “что-то тут оставлено”. А сын говорит, что это бабушкины сказки, и выстроил дом. Однако в этом доме лошадей было не завести, лошади околевают, и в семье гроб за гробом. Отец же говорил ему, что, мол, я тебя и знать не хочу, зачем ты выстроил на этом месте. Этот отец потом только и остался один».

В. Г. и Т. Г. отмечали, что «раньше» в деревнях были колдуны, и хотя в Молодильно их не было, одна женщина «при свадьбе была спорчена»: «Ее в церкви четверо мужчин к кресту едва могли привести. Когда батюшка крестом-то головы дотронется — размякнет, слюна потечет, и поведут ее домой обессиленную».

Т. Г. рассказала историю, случившуюся с ее мужем: «Вот муж мой ехал верхом, а это была деревня (?) Хвойнинского района, что отсюда в 25 км. Муж молодой был еще. Было там место, “гриной” называлось, потому что был бугорок и лес рос — так красиво было. Вот едет муж верхом, и вдруг лошадь остановилась — стоит на дороге человек в черном. Тут лошадь зафыркала и назад убежала. Муж несколько раз угонял ее взад, но она только до этого места добежит и опять назад. Когда он приехал и рассказал это все отцу, тот сказал, что на этом месте колдун задавился».

О погребальном обряде В. Г. и Т. Г. сообщили следующее. Покойников в доме держат три дня, хотя некоторые просят похоронить их позже, когда окончательно убедятся в их смерти. Ногами покойника кладут к иконам, «головушка чтобы на иконы смотрела». Поминали на 9, 40, «полугодину», годовщину, в родительские субботы и в Троицу. Душа умершего ходит здесь три дня, прощается с семьей, с местностью и на третий день возвращается к Богу на поклонение. Покойник же видит, как «свои плачут и как он лежит». Утопленников и самоубийц батюшка не отпевает, и хоронят их на краю кладбища у оградки. Про мертвецов знают страшные рассказы, которые «отец говорил»: «Одна все плакала по своему мужу, и он стал к ней приходить, пахать плугом на лошади землю, а она тому была очень рада. Люди же говорят: “Настя! Ты чего ж полосы-то не пашешь?” “Да как, — отвечает она, — у меня мужик ходит, пашет”. А ничего не пахано, ей виделось, казалось, что муж приходил, а приходила нечистая сила, черт». Другая история также повествовала, как «в Ерзовке одна горевала-горевала, да стало чудиться ей, что ее корову доят». Это «вроде как к ней

муж ходил. Потом, сказывали, ее ночью кто-то и задавил».

От В. Г. и Т. Г. была получена информация о большом культовом камне «в Фелистове», расположенном «не очень далеко за деревней в 1,5 км по дороге на Попово или Семино, у дороги рядом, у озера, но попасть туда сейчас нельзя, так как залившим озеро». На нем выбито изображение небольшого женского следа. С их слов, об этом камне есть предание, что, когда Иисус Христос воскрес, было землетрясение, и этот камень треснул, «так он и сейчас».

В самой деревне Молодильно есть три родничка и «древние от крепостного права липа и три сосны». О липе «как о потомстве крепостных» В. Г. и Т. Г. еще отец говорил: «А отцу нашему — отец-дедушка».

По окончании нашего общения В. Г. и Т. Г. напоили чаем с собственным медом и проводили до Преображенской церкви. Деревянный храм был в плохом состоянии, разрушался. При нем осмотрел полузаброшенное кладбище, на котором сохранились старинные деревянные кресты разных типов и остатки жальничных погребений с каменными обкладками и крупными валунами в изголовье. Количество и форму оградок проследить не удалось. Среди жальничных могил стояли четыре каменных креста, обломки еще нескольких валялись среди захоронений (рис. 4, 1, 2). Для музейной коллекции решил спасти лежавший на земле фрагмент разбитого каменного креста — его верхнюю лопасть с прочерченным восьмиконечным крестом на подставке и аббревиатурой сверху «IC XC», снизу «NI KA» (рис. 4, 3, 4). Этот обломок под дождем 5 км нес в лагерь и затем передал в фонды РЭМ.

Вечером в лагерь неожиданно нагрянул лесник с сотрудниками милиции, искали по палаткам оружие, приняв нас за браконьеров. Шведы, занимавшиеся взятием почвенных проб, были на выезде, и здесь из иностранцев находился только Ингмар. Во избежание лишних проблем, Евгений Николаевич украдкой попросил его не разговаривать и спокойно сидеть у костра, а если милиция с ним заговорит и задаст вопрос об акценте — прикинуться «эстонцем». Проверив у Евгения Николаевича экспедиционные документы, незваные гости удалились ни с чем.

На следующий день мне пришлось покинуть экспедицию — меня уже ждала работа в РЭМ. Фотоматериалы экспедиции хранятся в архиве музея.

Рис. 4. Кладбище в д. Молодильно, 1995 г.: 1 — жальничный каменный крест; 2 — жальничная каменная стела с крестом; 3–4 — верхняя лопасть жальничного каменного креста (3 — фото, 4 — прорисовка)

Fig. 4. The cemetery of the village of Molodil'no. 1995 г.: 1 — zhalnik-grave stone cross; 2 — zhalnik-grave stone stele with a cross; 3–4 — the upper beam of a zhalnik-grave stone cross (3 — photo, 4 — rubbing drawing)

Архимандрит Макарий, 1862 — Архимандрит Макарий (Миролюбов). Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. 143 с.

Носов, Плохов, 2016 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение и могильник на озере Съезжее // Ранне-средневековые древности лесной зоны Восточной

Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 17). С. 349–394.

Шляпкин, 1906 — Шляпкин И. А. Древние русские кресты. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1906. Вып. 1: Кресты новгородские до XV века, неподвижные и нецерковной службы. 38 с.

Ethnographic notes of a participant of E. N. Nosov's expeditions. The year of 1995

S. A. Semenov

In 1995, the present author, who then was a worker of the Russian Ethnographic Museum and a participant of the archaeological expedition headed by E. N. Nosov, conducted ethnographic investigation in the surroundings of Ryurik Gorodishche and afterwards during surveys along the route of the archaeological party to sites near Lake Syezzheye of the Khvoyninsky district of Novgorod oblast. The studies were carried out at four settlements: villages of Gorodishche, Spas-Nereditsy, Knyazheye Selo, and Molodil'no. The information obtained from nine informers covered some aspects of the local history, agriculture, occupations, fishery and animal husbandry, cooking and preparation of beverages, dwellings and economic buildings, family and public life, religious beliefs and calendar rites, notions about nature and archaeological monuments.

Evgeniy Ivanovich Nikitin (v. Gorodishche) informed us about archaeological sites. In his words, after the War everybody was searching for Rurik's golden coffin at Gorodishche. The informer personally destroyed with a bulldozer "some barrow with a heap of skulls and bones" on the 'hill'. Anastasiya Vasil'yevna, resident of v. Spas-Nereditsy, when filling up a war trench near the Church of Nereditsa in 1946, found a moneybox with old silver coins on which, in her words, there was a representation of Saint George the Victorious. This treasure was submitted to the 'archaeological office' and 25 roubles were received for it. Nikolay Stepanovich Vasil'yev from v. Knyazheye Selo noted that the barrows situated in the surroundings are considered by the residents of the village as graves of "soldiers killed during the war with Lithuania" and that they were filled with earth by soldiers with their caps. When this war took place is unknown by him but he maintains that it was finished in the village of Konchikha (or *the End* in Russian) situated nearby — hence the name of the village. As informed by Victor Gavrilovich Gavrilov and Tat'yana Gavrilovna Egorova from v. Molodil'no, here, beyond the 'blue pond', there are kurgans. Tat'yana Gavrilovna supposes that "this place was dug up during the Tatars; there had been our village". She specifies that this was the 'Lithuanian devastation' whereas there were no Tatars here because "they had not reached Novgorod". On the question of when the 'Lithuanians' were here, Victor Gavrilovich answered that "it was long ago so that I cannot state it exactly". In addition, they informed about a large ritual stone in "Felistovo" situated "not far off beyond the village, 1.5 km along the road to Popovo or Semino, near the road and the lake, but it is impossible to get there now because the lake submerged this place". On the stone, a representation of a small woman's footprint is cut. In their words, there is a legend about this stone that, when Jesus Christ resurrected from the dead, an earthquake occurred and this stone cracked and "so it has remained now".

In the village of Molodil'no, a half-deserted cemetery was examined where old wooden crosses of different types survived as well as remains of zhalnik graves with stone fences and large boulders at the heads. It turned out impossible to trace the number and the form of the fences. Among the zhalnik graves, there were four stone crosses and fragments of yet several other were scattered among the burials. The author passed a fragment of a broken cross to the collection of the Russian Ethnographic Museum. The upper bar of the cross bears a scratched eight-rayed cross on a pedestal and the abbreviations "IC XC" above and "NI KA" below.